ИМАНТ ЗИЕДОНИС

СКАЗКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1987

ИМАНТ ЗИЕДОНИС

СКАЗКИ

Пересказал с латышского
ЮРИЙ КОВАЛЬ

Художник
СЕРГЕЙ КОВАЛЕНКОВ

З $\frac{4803010200-085}{М101(03)87}$ 445—86

Камни умеют летать.
Уж это точно.
А спички залезают в норы
и шевелятся там.
Четвёртая ножка письменного стола
прекрасно понимает,
что стол устоит и на трёх.
Ей хочется путешествовать.
Солнце читает листья на деревьях,
но только с одной стороны.
Зато уж ветер и с той и с другой.
Сказки вроде грибов.
Никогда не увидишь,
как они растут.
Посмотри, как кувыркается
под ветром флажок,—
невозможно угадать,
каким будет его следующий кульбит.
А уж камни-то летают.
Из скалы в скалу, из горы в печь,
из земли в перстень.
Пока они ещё в воздухе, мы их ловим
и называем — «сказки».
Для этой книжки я ловил
перелётные камни на латышском,
а на русском их подхватил мой друг.
Мы ловили, мы солили,
а уж вам пробовать.

СИНЯЯ СКАЗКА

Синий-синий конь в горохе!
Синий конь в горохе!
Я видел его вчера.

Он жевал синие цветы гороха, а я знаю, почему он синий.

Собрались кони со всего света — чёрные, чалые, гнедые, саврасые, вороные и в яблоках — и сказали:

— Если машины победят — мы все погибнем. Сделаем так, чтоб один конь был вечным!

И они решили, что вечный конь будет синим. Это цвет мечты и надежды.

Коню дали синие крылья и назвали его

СИНИЙ КОНЬ НАДЕЖДЫ.

И ещё на Общем Собрании Всех Коней решили, что Синий Конь будет одинок. Ведь сильнее всех печалится и мечтает, надеется и ждёт одинокий. Так пусть у него не будет ни друга, ни подруги, ни синих жеребят.

И тут загрустил Синий Конь, но ему сказали, что грусть тоже синяя и очень подходит ему.

— Ты Конь мечты,— сказали ему.— Ты можешь есть и пить то же самое, что и мы,— но тогда ты погибнешь, потеряешь свой цвет. Ты Конь мечты — ты должен давать цвет незабудкам. Синие цветы — твой хлеб. А захочешь пить — отыщи за синей горой в синем бору три синие ольхи: там синий родник.

Там три синие молнии синими саблями гонят зайца.

Там три синих облака в синей бочке заснули.

Там... впрочем, сам разберёшься.

А жить ты должен в синей дали. Ведь люди надеются, смотрят вдаль. В даль моря — синего, в даль неба — далёкого, в даль леса — далёкого, синего. Только в сумерки, только синим утром, только в вечернем тумане можешь подойти к людям.

Так решило Общее Собрание Всех Коней — так оно и есть на самом деле. Увидеть Синего Коня очень трудно.

Но ранней весной, когда прилетают дрозды и в лесу зацветают подснежники, смотрите, нет ли там следов Синего Коня?

А летом идите тихо по полю. Там лён цветёт, там васильки — там Синий Конь пасётся.

А уж белою зимой глядите в сумерки, туда, где ёлки роняют свои тени. Там Синий Конь лижет синие тени.

Тот, кто едет верхом на Синем Коне, весь мир видит синим. Черёмуха для них синяя, заяц синий, даже гриб-дождевик и тот синий.

Вот почему латыши говорят: синие чудеса!

Синий Конь — синее чудо. И тот, кто едет на нём верхом, видит синие чудеса.

Правда, Синий Конь почти никого к себе не подпускает.

Разве только некоторых поэтов.

Но если у вас есть немного синего овса... Есть у вас горсточка синего овса?

ЯНТАРНАЯ СКАЗКА

— Как? У тебя нет янтаря? — Глаза у Крота сделались огромными, как булавочные головки. Это означало, что Крот удивлён, ведь у кротов глазки такие маленькие, что их почти не видно.— Как? У тебя нет ни одного янтаря?

— Нет,— сказал я.

— Тогда следуй за мной,— строго сказал Крот.— Правда, у тебя какие-то редкие брови.

Крот придирчиво рассматривал меня.

— Привяжи к бровям зубные щётки, а то песок насыплется в глаза.

Махнув мне лапой, он пропал в норе. Потом снова вылез наружу:

— Ну, а ты что стоишь?

Привязав к бровям зубные щётки, я полез в нору.

Через пару часов Крот сказал:

— Ты слишком медленно ползёшь. Мы проползли только десять метров. А до озера Энгурес — десять километров. Иди лучше по земле, а я поползу. Чтоб ты меня не потерял, я буду иногда высовывать голову. Не спутай меня с другими кротами! Смотри: у меня один зуб янтарный. Высуну голову из-под земли и засмеюсь — сразу узнаешь, что это я.

Тут Крот засмеялся — крикс-крикс-крикс! — как будто трижды переломил карандаш.

Крикс! Крикс! Крикс!

Я отвязал щётки, и мы снова отправились в путь.

Добирались долго. Три недели.

По дороге я часто отдыхал. Крот не успевал за мною, под землёй ползти всё-таки трудней, чем шагать по поверхности. По пути нам попадались ручейки и канавы. Я их перепрыгивал, а Кроту приходилось ползти под ними.

Поджидая Крота, я читал книжки. Прочитал всё о кротах, о янтаре, об озере Энгурес. Оказывается, в этом озере так много янтаря потому, что когда-то здесь было море. Янтарь лежал на дне моря.

На третью неделю мы были уже неподалёку. В земле, взрытой Кротом, иногда поблёскивали кусочки янтаря.

— Отдаёшь их мне? — спросил я.

Крот засмеялся.

— Это ещё не янтарь,— сказал он,— очень уж маленький. Таких маленьких янтарчиков здесь много. Походи по картофельным бороздам.

Я походил и действительно набрал полный карман янтарчиков.

Видел я, как мальчишки ходили за плугом. Отец пахал, а они шли следом и собирали янтарчики, как грачи собирают червей.

Потом мы попали в большой сосновый бор на берегу озера. Здесь не было ни кустика, ни травинки, а на земле меж сосен светлел серый мох, в котором росло много грибов.

Крот высунул голову и сверкнул — крикс-крикс-крикс! — янтарным зубом.

— Здесь,— сказал он.— Ползи за мной.

Я снова привязал к бровям зубные щётки и пополз.

Мы ползли и ползли, пока не вползли в какой-то зал. Здесь работало много кротов. Все стены были здесь из чистого янтаря, и кроты выламывали его из стен, точили, шлифовали, пилили и сверлили.

— Здесь янтарь раздевают,— сердито сказал Крот.— С каждого янтаря срывают его камзольчик, причёсывают и так шлифуют, что все становятся одинаковыми. А потом делают из них ручки для мухобоек, янтарные мыльницы и мундштуки.

— Кому нужны янтарные мыльницы? — удивился я.

— Дуракам. Их делают глупцы для дураков.

Кроты, которые делали мыльницы, сами разукрасились как могли. Один привинтил себе янтарные уши, другой вставил

янтарный глаз, третий привинтил к башмакам янтарные каблуки. Видно было, что каждый хочет показать, как сильно любит янтарь. Мне здесь не понравилось. Янтарь здесь тратили как картошку: жарили, варили, снимали кожуру.

И я вдруг услышал, как янтарь жалуется и плачет, ругает этих мастеров. Но они ничего не понимали. Они не знали янтарного языка.

— Это — глупцы,— повторил Крот.— Они не знают янтарного языка. Ползём дальше.

Привязав покрепче щётки, я пополз за Кротом. Ползли мы, ползли и приползли в новую мастерскую.

— Здесь знают язык янтаря,— сказал Крот.

И верно, я слышал, как мастер разговаривал с кусочком янтаря:

— Хочешь, я сохраню этот блеск справа?

— Угу.

— А эту неровность?

— Полируй.

Здесь всё принимали во внимание, сохраняли каждый изгиб, каждую линию.

Если у какого-нибудь янтарчика было три ноги, его не мучили, третью не отрывали. Пускай не будет похож на других и живёт как может, с тремя ногами.

Четыре уха? Тоже хорошо. Пускай останется четырёхухим!

Здесь каждый кусочек янтаря сам выбирал, что хочет.

— Мне мельхиоровый воротник!

— А мне деревянную рамочку!

— Ну, а тебе серебряную цепочку.

И обыкновенный янтарь вдруг так поворачивался, что все удивлялись:

— Смотрите — какой красивый!

— Здесь работают художники,— сказал Крот,— которые делают не только украшения. Они создают человеческие свойства. Видишь вон ту куклу?

Я увидел соломенную куклу. В пупке у неё сиял янтарь.

— Это Хвастливость,— сказал Крот.

Когда мы уходили, Крот разрешил мне выбрать то, что я хочу взять с собою из янтарной сказки. Я, признаться, выбрал Любовь.

Это такой странный янтарь, что я не могу его описать или нарисовать.

Но когда я взял его в руки, показалось — он запел далёким голосом моей мамы. Когда я уже полз обратно и остановился передохнуть, вдруг почувствовал: на меня кто-то смотрит. Это был

мой янтарь. Мне стало хорошо и легко, потому что так смотрели люди, которые любили меня.

Я вылез из норы — янтарь мой внезапно исчез и засиял вдали, как звезда. И я сразу узнал его. Среди тысяч звёзд я всегда узнаю свою.

Вернувшись домой, я положил его на стол, и мне никогда не бывает с ним скучно.

В новогоднюю ночь он горит бенгальской свечой, по вечерам пахнет сосновыми цветами.

Порою он разговаривает со мной. И если я устал, он найдёт слово, от которого проходит усталость.

Когда приходит ко мне неважный человек — янтарь мой меркнет, а уж если хороший придёт — оживает янтарь и сияет так, что у меня сердце кружится и глаза становятся тёплыми.

Мне хорошо и легко жить с моим янтарём.

А Крота-то моего я больше не видал. Видел разных кротов, но того, с янтарным зубом — крикс! крикс! крикс! — не видал.

Если встретите его, не бойтесь, смело ползите с ним, и он приведёт вас в янтарную сказку. А может, в другую.

Всё равно мы все ещё встретимся.

Может быть, в цветной сказке, а может быть, в сказке запахов. А может быть, в той сказке, где ветер шумит в листве и море бушует?

Сказок ведь очень много, и они никогда не кончаются.

БЕГУЧАЯ СКАЗКА

Бегучий Листок сорвался с макушки дерева.

Он летел вниз и слышал, как стонут вокруг комары:

— Бегучий Листок! Бегучий Листок падает!..

А Бегучий Листок летел и думал, что он — Летучий Листок. Но тут упал на дорогу и сразу понял — надо бежать!

Всё вокруг бежало: огонь в небо, вода в море, и даже сердце убегало куда-то.

Бегучий Листок подобрал свои краешки, точно так, как девушка подбирает подол длинного платья, и пустился бежать.

«Быстрее! Быстрее!» — думал он на бегу.

Вдруг он увидел на дороге что-то дырявое. Это был Дырявый Зуб. Он тоже бежал.

— Ты куда бежишь? — крикнул Бегучий Листок.

— За сахаром!

Бегучий Листок помчался дальше и увидел на дороге что-то белое. Он подумал, что это сахар, но это была Снежная Баба.

— Куда, Баба, бежишь?

— От дождя убегаю.

Побежал дальше Бегучий Листок, и скоро его догнал Дождь.

— А ты, Дождь, куда бежишь?

— За облаком! Без облака я пропаду! Без облака мне лить неоткуда!

Все вокруг бежали — кто за облаком, кто за сахаром. Волна за волной. Цыпочки за пяткой.

«А я-то за кем бегу?» — думал Бегучий Листок, но не мог подумать как следует—боялся, что ноги вперёд убегут. Поди потом догоняй собственные ноги.

Бегучий Листок бежал и поглядывал по сторонам.

В придорожных канавах полно было опавших листьев. Они никуда не бежали.

«В чём дело?» — подумал Бегучий Листок и сбавил скорость.

У дороги рос Подорожник.

— Почему ты не бежишь? — наивно спросил его Бегучий Листок.

— Я расту, брат, и цвету как могу,— отвечал Подорожник,— но если тебе нужно бегающее растение — обратись к Перекати-Полю. Только его не видно нигде. Убежало, брат.

К вечеру добежал Бегучий Листок до куста бузины, забрался под ветки переночевать и сразу почувствовал рядом что-то тёплое. Здесь было гнездо, в котором лежали три яйца.

Бегучий Листок забрался в гнездо, успокоился, пригрелся и крепко заснул.

— Ох, как не хочется вставать! — говорил он на следующее утро.— Ещё бы поспать часочек... Ну почему я должен всё время бежать, бежать, бежать?!

— Ничего не поделаешь, друг,— сказало Самое Старшее Яйцо.— Ты должен бежать, чтоб часы не остановились.

— Неужели остановятся?

— Конечно. Все бегут и думают, что бегут, потому что часы бегут. Ерунда. Часы — ленивы. Они не сделали бы ни шажка, ни секундочки, если б не видели, что все бегут и надо бежать. Они бы спрятались где-нибудь в тёмном уголке, засунув стрелки за пазуху. Поэтому из каждого дома кто-то бежит, убегает, чтоб показать часам пример. Вчера из нашего гнезда убежало Бегучее Яйцо.

Из него никогда не вылупится птенчик, у него в желтке — бегучая мысль. А теперь и ты беги дальше, ведь ты же — Бегучий Листок.

И Бегучий Листок побежал дальше.

Вчера я случайно видел его.

Он бежал через большое поле, и он крикнул мне, сложив ладони трубочкой:

— Иди домой! Погляди, не встали ли часы. Скажи им, что мы бежим!

Я пошёл домой и сказал часам:

— Не тикайте так жалобно и не думайте снова встать. Посмотрите, как все бегут ради вас.

Бегучие Реки,
Ползучие Раки,
Плывучие Рыбы,
Шальные Собаки...
И люди, и звери, и звёзды бегут —
Секунды,
минуты,
часы
берегут.
Я видел, как после вечерней зари
По улице к морю
Бегут фонари,
А в небе бегут, догоняя часы,
Созвездие Девы и Гончие Псы.

А бывает, что поздно ночью вдруг забьётся на верёвке Бегучая Простыня. Вы только не пугайтесь, не думайте, что это привидение. Это просто — Бегучая Простыня из Бегучей Сказки.

СКАЗКА О ЖАДИНЕ

У меня под ногтем Жадина объявился. Сидит и грязь собирает, ну, эту, ногтевую черноту.

Я-то рыбу ловил, червей копал — под ногти земля набилась, а он её всю себе забрал. А ведь это не его земля! Эта земля принадлежит клубнике!

Мы поссорились! Я схватил пилку для ногтей и вычистил ногти.

Жадина заорал, как будто его режут:

— Ты мою собаку задавил! Я в суд подам!

Да какая у него собака? Думаете, ньюфаундленд? Микробтерьер самый паршивый!

Через пару дней смотрю — опять Жадина под ногтем сидит, а с ним целая свора микробтерьеров. Сидит, ногтевую черноту копит. И набрал кое-что: три пылинки каменного угля, две занозы и немного сливочного масла с того бутерброда. Слепил всё это вместе — тут у него якобы будет горный сад! Он будет грядки копать, ранний салат взращивать!

Ну, я взял пилку и ногти почистил.

Ужасно заорал Жадина:

— Ты у меня драгоценный камень украл!

Какой камень? Песчинка сахарная!

Слава богу, что у меня только один Жадина. А у Юрочки — десять! А летом, честно сказать, двадцать! Юрочка летом босиком ходит.

У него Жадины богато живут. Он их бережёт и даже, когда руки моет, кончики пальцев пластырем заклеивает. Любит, значит.

БЕЛАЯ СКАЗКА

Вчера выпал снег, и теперь всё белым-бело. Так бело, что ничего не видно.

Белая курица снесла белое яйцо да и потеряла его в снегу!

Белый петух спел белую песню. Она взлетела под крышу да и примёрзла там. Висит себе, как белая сосулька.

У белки белой бельчата родились белые-пребелые. Попрыгали

на белые ёлки. Белка бедная ищет — не найдёт. Деревья белые — бельчат не видно.

А я сам по лесу иду, не пойму, где дерево, где белый день.

Чернила у меня в чернильнице побелели. Пишу-пишу, а не вижу, что написал. Как это вы всё читаете?

Ладно, белого хлебца пожую, белым кофейком отопьюсь, ботиночки почищу белым гуталином и на речку пойду.

Речка наша, Га́уя[1], сами понимаете, лежит белая в белых берегах.

Я кинул спиннинг — щуку белую тащу. Распорол ей брюхо, а в ней белый утёнок (обжора белая!).

Я утёнку в хвост эту сказку воткнул — пускай летит по белу свету.

Как поймаете утёнка, грейте ему живот белою грелкой! Каждый вечер! А яйцо снесёт белое — сразу мне пишите:

Белому Кроту на берегу Гауи.

Можете, конечно, всё это нарисовать, но только белилами, без единой чёрной чёрточки!

---

[1] Гауя — так называется речка в Латвии. Это слово я не умею перевести. Зато у нас в России есть речка, которая называется Белая. Я там живу. *(Примеч. пер.)*

ЧЁРНАЯ СКАЗКА

Это — чёрная сказка. Такая чёрная, что ничего не видно. Конечно, в ней что-то есть, а что именно — не видать.

А ну-ка, закройте глаза да завяжите их чёрным платком. Ну? Теперь вы понимаете, как темно в этой сказке? Даже чёрта не видно. Можно только в темноте руками размахивать да ощупывать. Темно, как в аду, правда?

Между прочим, эта сказка и происходит в аду. Нащупали этого, косматого? Думаете, это Янцис? Ничего подобного, это сам чёрт. Чёрный, как обувная щётка. Этим бы чёртом башмаки почистить. Нос у него набит пеплом. А рот? Засуньте-ка ему палец в рот! Чувствуете? Полон рот пепла.

Только не щекотать его, а то чихнёт — вся сказка рассыплется, как пепел.

Щупаем дальше. Что-то вроде ящика. Это телевизор!

Чёрт смотрит телевизор!

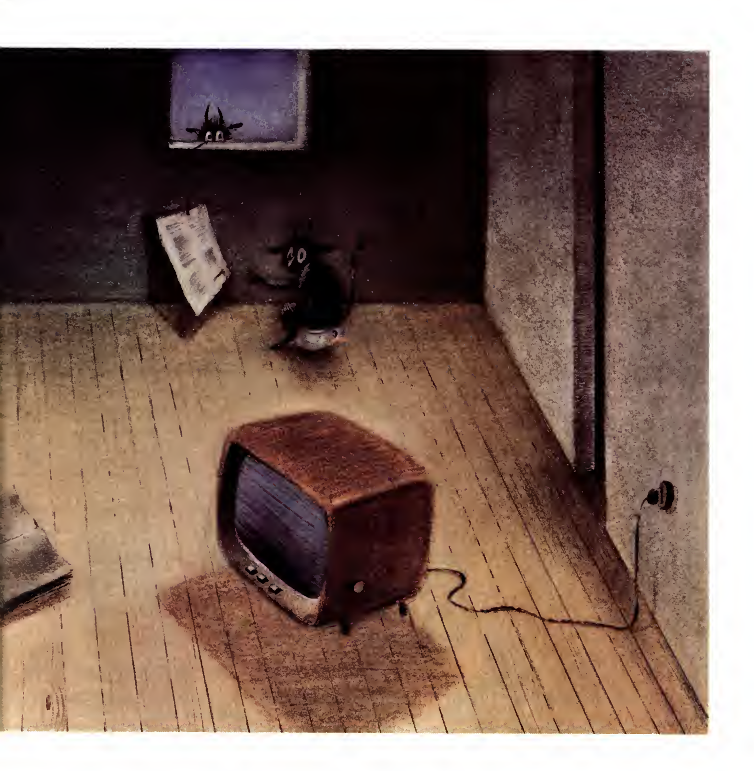
Ну и дела! Чёрный телевизор, в котором ни черта не видно. Чёрт, может быть, что-нибудь и видит, а может, и не видит, но смотрит упорно.

На телевизоре что-то лежит. Чувствуете — книга. Чернющая. Черти только чёрные книги и читают, а чертенята нарочно из книг буквы выгрызают, чтоб другим нечего читать было.

Чертенята вообще очень завистливы. Чёрная зависть! Слыхали?

Получит, например, какой-нибудь чёртов ребёнок на уроке двойку и давай скакать от счастья, а уж другой у него из дневника эту двойку выгрызает от зависти. Выгрызает, понимаете? Ну,

выедает, выкусывает, выкушивает. И всё от зависти. Для чертей ведь двойка или кол — любимые баллы. А уж хуже пятёрки нет.

У чертей вообще всё наоборот. Молоко пьют чёрное, сахар сосут чёрный. Вода у них тоже какая-то черноватая, не поймёшь, грязная, что ли?

По утрам черти чистят чёрные зубы чёрным зубным порошком да ещё и чёрной водой полощут, чтоб ни одного белого пятнышка на зубах не было.

Один чёртов сын как-то не вымыл уши чёрной водой — вот шуму было! Чёртов учитель за ухо его схватил да и целый флакон туши в ухо!

Ладно, щупаем дальше. Кто-то сидит. Кто это здесь сидит?

Чертёнок. На чёрном ночном горшке. Осторожнее с ним, начнёт ещё кричать чёрным-пречёрным голосом. Придётся свет зажигать, глядеть, что случилось.

А света у чертей в квартирах быть не должно! Если свет вдруг проник куда-нибудь в коридор — его тут же ловят, да по лучику в снопы связывают, в чёрные газеты заворачивают. А когда черти выйдут на свет, пойманный свет выбрасывают вместе с газетами.

Один чертёнок карманный фонарик где-то раздобыл, притащил в ад. Видели бы вы, какой переполох поднялся! Созвали суд да чертёнка этого из ада вытолкали, до сих пор обратно не пускают.

Он теперь вечерами по улицам шастает, карманные фонарики у прохожих отбирает.

Трудно, конечно, ему приходится. При свете жить чертям очень тошно, так же, как и нам жить в темноте. Поэтому открывайте-ка, братцы, скорее глаза.

ЖЁЛТАЯ СКАЗКА

Солнце, как яичный желток, висело над землёй.

А по лучам на землю шли цыплята, и все они были, конечно, жёлтые.

Жёлтая пчела подлетела к цыплёнку, стала приглашать в свой жёлтый улей. Но цыплёнку в улей не залезть: дырочка маленькая.

«Ладно,— подумал он.— Вот жёлтые бабочки летают, полетаю с ними».

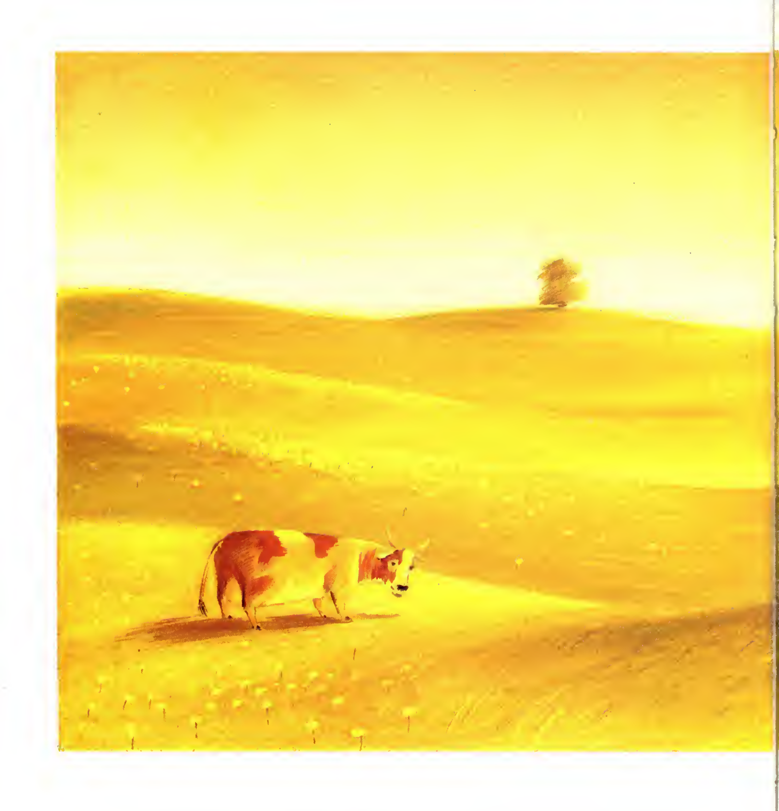
Цыплёнок подпрыгнул, но тут же вспомнил, что у него крыльев нет, полоски какие-то вместо крыльев.

«Стану курицей,— мечтал цыплёнок.— Буду летать высоко».

А солнце сияло на небе, как жёлтый блин с такими вкусными хрустящими краешками.

Пчёлы летели от одуванчика к одуванчику и возвращались в свой жёлтый улей. Он выглядел как огромная жёлтая библиотека. Рамки для сотов будто полки до потолка и все наполнены сотами. А соты похожи на жёлтые шестиугольные телевизоры, только вместо экранов блестит жёлтый мёд.

До самого горизонта желтели луга — это цвели жёлтые ветреницы и примулы, но больше всего было одуванчиков. Все холмы сияли одуванчиками.

И казалось, что солнце только что на вершине холма лежало в одуванчиках.

Тут я и сам не удержался, взял да и повалился в одуванчики.

Опылился весь, облепился, обсыпался жёлтой пыльцой.

Подошла жёлтая корова, подумала, что я одуванчик, да и съела меня, жёлтого. Так что писать дальше нет возможности.

МЕДВЕЖЬЯ СКАЗКА

У мамаши-Медведицы каждую весну рождались медвежата. А в эту весну родились трое: Ягодный Медведь, Мушиный Медведь и Медведь Медовый.

Ягодный был у мамаши любимчик — самый спокойный, самый послушный медвежонок на свете. Никуда-то он не бегал, не прыгал, не гонялся за другими медвежатами. Он всегда сидел и ел ягоды.

Сидит, бывало, в чернике и урчит:

Приди, о черника, в медвежию пасть,
В которую очень приятно попасть.

— Ох уж этот Мушиный Медведь! — вздыхала мамаша-Медведица.— Наказанье. Настоящий медвежий непоседа!

И правда, никто никогда на свете не видел медведя, который бы так любил гоняться за мухами. Он бегал за ними с утра до вечера. Он рычал на мух, он прыгал за ними, он падал и расшибался и однажды даже вывихнул свой куцый хвостик.

— Я — охотник на мух! — хвалился он.

Запах мухи он чуял за два километра и тонко понимал мушиные следы. Только глянет на оконное стекло — и сразу скажет, какая муха здесь прошла.

Мушиный Медведь прекрасно понимал мушиные песни.

Оконные мухи пели больше под нос. Носы у них были сломаны от постоянного битья об стекло. У зелёных мух и песня была какая-то зелёная, как плесень на варенье. У потолочных мух все песни звучали вверх тормашками.

А Медовый Медведь был, конечно, сластёна. Ему никогда не хватало ни сахару, ни конфет.

Утром, за завтраком, он столько сахару насыпал себе в чашку, что весь кофе выливался и в чашке был только — сахар, сахар, сахар.

— Вот это настоящий кофе! — говорил Медовый Медведь.— Что надо!

Мамаша-Медведица не разрешала ему особенно рассахариваться, и Медовый пускался на разные хитрости.

Как-то вечером, когда все кончили пить чай, он спрятался в сахарницу и сидел там до утра. Его искали, искали, с ног сбились — не нашли.

А утром Мушиный Медведь только было сунул ложку в сахарницу — оттуда крик:

— Уберите ложку! Уберите ложку! Только не это!

Медовый Медведь так наелся сахару и так растолстел, что вылезти из сахарницы никак не мог.

Сахарницу в конце концов разбили, и мамаша запретила Медовому чудаку залезать в бидоны, в термосы и в бутылки с сиропом.

Но однажды Медовый — и смех и грех! — влип в книжку. Очень была такая сладенькая книжечка, и Медовый в неё влип. А книжка возьми и захлопнись! Сплющила Медового Медведя! Стал он плоским, как переводная картинка. Потом уж держали книжку над паром, покуда Медведь не отлип.

Отлипнуть-то отлип, да сделался плоским, как блин. Пришлось влить в него пятьдесят литров мёда, чтоб он слегка округлился.

Очень ласковым и сладким был Медовый Медведь, и девочки-медведицы всегда хотели с ним дружить. Им нравилось лизнуть его в нос. Они говорили, что нос у него смахивает на мороженое и чуть-чуть на молочный коктейль.

А Медовый и сам знал, что он — медовый, и, когда не было вокруг ничего сахарномедовоконфетнопрекрасносладкого, он сосал свою лапу. И сосать он её мог две недели кряду.

— Смотри,— предупреждали его медведи,— свалишься в реку и растаешь, как кусок сахара.

— Увы, друзья! Ничего не поделаешь! Я создан для сладкой — для медовой и сахарной жизни,— отвечал он.

Так и жила мамаша-Медведица со своими медвежатами.

КОЛХОЗНЫЙ РЫНОК

Медовый Медведь — медовничал,
Ягодный — ягодничал,
а Мушиный — на мух охотился.

Долго ли, коротко — постарела мамаша-Медведица, заболела она и умерла. Осиротели медвежата.

В лесу и не знали, что с ними теперь делать. Малы медвежата. Каждый вечер их пылесось да спать укладывай, а днём только и гляди, чтоб не перемедовничались да не переягодничались. В общем, решили их куда-нибудь пристроить.

Мушиного легко пристроили. Отдали его в одну столовую мух бить. В первую же неделю он пришиб двести восемьдесят миллионов мух. В газете «Вечерняя Рига» появилось тогда и объявление:

ПРИНИМАЮТСЯ НА РАБОТУ МЕДВЕДИ-МУХОБОИ. ЛУЧШИМ МУХОМЕДВЕДЯМ ВЫДАЮТСЯ ПРЕМИИ. ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ОРГАНИЗУЮТСЯ КУРСЫ ПОД РУКОВОДСТВОМ ВЕЛИКОГО МУШИНОГО МЕДВЕДЯ.

Больше о Мушином Медведе я ничего не слыхал, а когда сплю днём на солнышке и мухи надоедают, жалею, что на курсы не записался.

А с Медовым Медведем была такая история.

Как-то раз он увидел на дереве дупло, в которое влетали пчёлы. Из дупла пахло мёдом, а перед самым дуплом был привязан к ветке здоровенный чурбак.

Медовый залез на дерево — чурбак мешает заглянуть в дупло. Оттолкнул Медовый чурбак. Чурбак отлетел да и вернулся назад, он ведь был на верёвке. Вернулся и ударил Медовому под рёбра.

— Стыдись! — взревел Медовый Медведь и отшвырнул чурбак изо всей силы. Чурбак скоро вернулся и так хватил медведя, что тот с дерева свалился.

А по лесу в этот момент Аусма гуляла, девочка такая, Аусмой звать. Пожалела она Медового чудака и взяла его к себе. У неё, дескать, и так живут 39 медведей, и Медовый будет как дома.

Труднее всего найти место в жизни было Ягодному Медведю. Ну где, скажите на милость, взять столько ягод, сколько в лесу?

Отдали его в конце концов Травяной Бабусе.

Эта Травяная Бабуся стоит обычно у самых ворот рынка, а на столе перед ней разные сухие травы, корешки-корешочки, чаи-чаёчки.

Бабуся-то наша Травяная старенькая уже стала. Зимой она в сто платков кутается, а всё равно насквозь промерзает.

В самые жуткие морозы вместо неё на рынке теперь Ягодный Медведь торгует. У него в шерсти мороз как пчела запутывается. Медведь торгует, а Бабуся дома на диванчике лежит, журнал читает.

А Медведю Ягодному нравится быть продавцом. Покупатели его веселят. На руках у них — смешно сказать — варежки, а на ногах — ещё смешней — валенки. Ну, чудаки! Почти как медведи, только смешнее. Купят, к примеру, пучок полыни, а кому он нужен, такой-то пучок? Да всякий приличный медведь такой пучок одной ноздрёй втянет, а в другую выдует. Уж если у медведя живот заболел, он столько полыни умнёт, что — о-го-го! Телегу!

Да хотя бы взять вот эту самую клюкву. Купят полбанки,

клюют по ягодке и морщатся. Да будь у Бабуси клюква, да он бы тогда эту клюкву взял да так бы её... Жалко, нету у Бабуси клюквы. Есть в чулане два ведра. Разве ж это клюква? Вот лето придёт, осень настанет — соберём бочек двести. Вот это будет клюква. А это — не клюква. Это два ведра.

Травяной Бабусе, конечно, нравится, что у неё такой работящий Медведь. Она его сушёной рябиной кормит, черникой, можжевеловой ягодой. Не бог весть какая еда, да ведь медведю зимой много не надо.

Ну, а если хочешь чего поплотней или поягодней — иди в магазин, помогай ящики грузить.

Раз пошёл Ягодный ящики грузить и получил за работу ящик чернослива. А он чернослив раньше и в глаза не видел.

«Это,— думает,— головастики сушёные».

Налил в таз воды да и высыпал туда головастикоягоды.

Чернослив в воде разбух, округлился.

— Бабуся! — радуется Медведь.— Скоро у нас лягушкоягоды будут.

— Чего-чего?

— Как это чего? Из головастиков лягушки вырастают, а из головастикоягод что получится, по-твоему? Не знаешь? А я знаю — лягушкоягоды.

— Ох, Миша-Миша,— вздыхала старушка,— симпатичный ты...

Нравилось медведю тяжести носить. Отторгует, бывало, на рынке — лапы чешутся. Увидит сломанную машину и дотолкает её до гаража. А деньги он за помощь не брал.

— На кой мне ваши деньги? — говорит.— Сейчас бы земляннички бы, чернички бы, малинки бы... Или бы абрикосик пушистенький. Я хоть и Ягодный Медведь, а абрикоса не едал.

Как-то раз в парке выставку скульптур устраивали. Ягодный тут как тут, помогает каменные глыбы таскать. Понравился ему один каменный медвежонок. Ягодный его сам притащил и в саду усадил.

Уже все домой ушли, а Ягодный Медведь всё сидит рядом с каменным. Что-то шепчет ему на ухо, бормочет.

Пришёл сторож, стал его домой гнать.

— Я и медвежонка с собой возьму.

— Нельзя, никак нельзя,— говорил сторож.

— Да ведь мы оба с ним медведи.

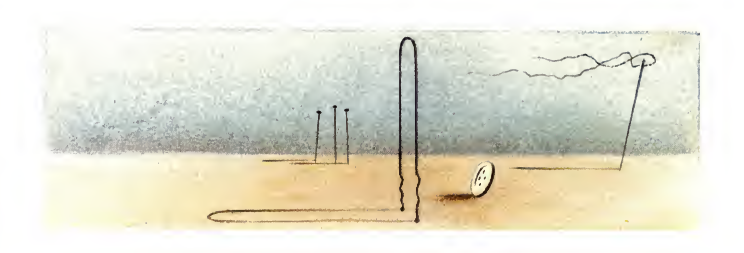
— Медведи, да только разные,— сказал сторож,— этот медведь — произведение искусства, а ты-то — настоящий.

— Да я ведь тоже произведение искусства, про меня в сказке Имант написал, а дядя Юра на русский перевёл.

— Не знаю, не знаю ничего,— сказал сторож,— не читал. Валяй, милый, домой.

Опечалился Ягодный Медведь. Пошёл домой, голову повесил. Не знал он, чудак, что в любом городе полно медведей — плюшевые, каменные, гипсовые, тряпочные, деревянные... В каждом городе куда больше медведей, чем можно себе представить.

Но Ягодный с ними не был ещё знаком. Потом-то они познакомились, и жить Ягодному стало веселей. Но об этом — другая сказка.

СКАЗКА С ПУГОВИЦЕЙ

Пуговица и Шпилька сидели в кафе.

Пуговица была молоденькая, а Шпилька повидала немало и была в жизни немного разочарована, потому что никогда не могла отличить настоящие волосы от искусственных.

— Главное,— говорила Шпилька,— берегись, чтоб тебя не пришили.

Пуговица слушала разинув рот.

— Всякие иголочки теперь водятся,— продолжала Шпилька.— И ниточки. Пришьют за милую душу.

Пуговица напугалась. Кое-как допив кофе, она бросилась бежать и дома сразу спряталась под кровать. А под кроватью Шило валялось, которое, как ни крути, было похоже на иголку.

— Как жизнь, Пуга? — приветливо сказало Шило.

— Нормально,— ответила Пуговица, вскочила в ужасе на стол и бросилась в кисель. В киселе было как-то спокойней.

Вылезши из киселя, Пуговица отряхнулась. Шило пока не пришивало. Зато неподалёку Пуговица увидела Вилку. Лежит, не шевелится! Но уж если тебя пришьют вилкой! Вот ужас-то!

Содрогаясь, Пуговица выскочила на улицу. А на улице — ёж! Вот где иголочки!

Пуговица побежала по тротуару, вдруг видит — телевизионная башня! Игла! Ужас! Ужас! Если такая пришьёт — о-го-го!

Пуговица прыгнула вправо-влево — и упала в грязь. Пока вылезла — все дырки грязью позабивала. Побежала домой, к киселю поближе. С ним как-то спокойней. Уж кисель никогда не пришьёт, разве немного замочит.

Вдруг видит Пуговица: на углу автомат с газировкой.

У автомата Молния стоит. Не та, что в небе гремит, а та, на которую куртки застёгивают.

Молния пить хотела, а трёхкопеечной монеты у неё не было.

— Эй, Кружочек! — крикнула она Пуговице.— Иди-ка сюда, я тебя в автомат брошу, пить охота.

— Я не Кружочек. Я — Пуговица.

— А где ж твои дырки? Как Пуговица ты не проходишь. Глянь в зеркало.

Пуговица глянула — и верно: все дырки забились грязью.

— Ты, наверное, Вилка,— смеялась Молния, блистая медным зубом,— или ложка? А может, ты — самолёт?

— Я — Пуговица.

— Коррова ты! — грубо сказала Молния и толкнула Пуговицу плечом.

Стал собираться народ.

И тут откуда ни возьмись — Иголка.

— Иди-ка сюда,— поманила она Пуговицу пальцем.— Пойдём-ка к Нитке.

Пуговица совсем растерялась, и Иголка отвела её к Нитке.

Нитка сурово глянула на Пуговицу:

— Ты где пропадала?

— Да я так...

— Служила?

— Да нет, я с киселём...

— Ах, ты была свободна,— сказала Нитка и прочистила Пуговице иголкой один глазок.— Это хорошо.— И она прочистила другой глазок.— Хорошо быть свободным.— И она прочистила третий.— Но в киселе нет счастья, надо делом заниматься.— И она прочистила Пуговице последнюю дырку и тут же иголочкой её и пришила.

Пуговица огляделась. Рядом с ней были пришиты и другие пуговицы, которые всё время застёгивались. Всё вокруг было застёгнуто.

Даже небо. Днём застёгнуто оно на Солнечную пуговицу, ночью — на Лунную.

А там далеко-далеко, в глубине небесного свода, всегда мерцают над нами звёздные пуговички. Они держат на себе огромные миры, чтоб те не рассеялись в пространстве.

СЕРАЯ СКАЗКА

Я — Серый.
Я — серый, как мышонок.
Как птица, как пепел, как пыль.

Я — Серый, но что бы делали без меня Яркие!
Где я? Повсюду.
Вот растаял снег, обнажилась земля — серо вокруг, скучно.

Весна пока что серая. Но вот лопнула серенькая скромная почка — расцвела верба. Разве она была бы так хороша и бела, если б я не был таким серым?

Вот вылезает из серой земли тюльпан, а вот и ревень высовывает свои красные, как у чёрта, рога!

В серых сумерках плывут над лугом белые простыни тумана! В сером поднебесье восходит красное солнышко, и все видят, как прекрасно оно.

Я — Серый. И я прихожу раньше всех красок, которых ждут люди.

Серым утром они ждут солнце,
серой ночью — месяц,
серой весной — цветы,
серой осенью — снег.

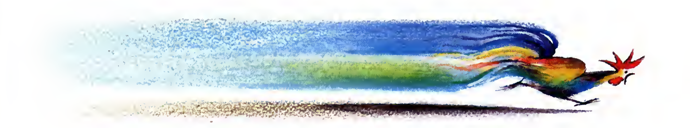
Я — важный цвет, потому что всё становится красивым рядом со мной.

Я помогаю краскам и, если они не могут явиться сами, выталкиваю их из себя. Пускай все глядят.

Из серой тучи я выталкиваю радугу.

Бросьте яркую пуговицу в золу. Видите? Вот она, красивая пуговица. А что там, за ней? Это я — Серый.

ПЁСТРАЯ СКАЗКА

Пёстрые бывают разными.

Есть большие Пёстрые, а есть и маленькие.

Найти их очень трудно.

Обычно они лежат среди камней на берегу моря. Маленькие Пёстрые лежат среди гальки, а уж большие — среди больших камней. Ищите в камнях, там вы их найдёте!

Чтоб отличить Пёстрого от камня, надо руку приложить. Если рука станет пёстрой, значит, это Пёстрый, а если нет — тогда это обыкновенный камень.

Пёстрые катятся по свету, как игральные кости, только бока у них пестрят разными красками. Катятся и катятся, и неизвестно, где остановятся и, главное, каким боком повернутся.

Остановятся, к примеру, возле мухомора — тогда и повернутся красно-белым боком. А если возле коровы? Тогда уж чёрно-белым или бело-коричневым.

Бывает, какой-нибудь Пёстрый закатится и к поросятам. Недаром некоторые поросята чёрным пестрят.

Пёстрые кошки и собаки, божьи коровки и даже змеи — всё это Пёстрый!

А видали вы форель или лосося? Вон как здорово напестрил Пёстрый: такие красивые точечки и крапинки — загляденье.

Все пёстрые бабочки, птичьи яйца раскрашены Пёстрым. И птицы тоже. Как только у птенца вырастают пёрышки — Пёстрый тут как тут.

Латыши часто говорят: «Он пёстрый, как живот у дятла».

Так вот и живот у дятла Пёстрый испестрил.

Или вот один человек спрашивает другого:

— Как живёшь?

— Пёстро.

Понятно, что к этому человеку Пёстрый прибился и всё путает. Ну, например, утром надела Ильзита белое платье, пошла в

лес гулять да и села на чернику. Или вот Янис начал писать да уронил кляксу, стал её стирать — вторую ляпнул от волнения. На две кляксы выкатились из его глаз три слезы.

— Как дела, Янис? — спрашиваю.

— Пёстро.

Когда на дороге прокалывается у машины шина, когда с са-

мого утра куда-то опаздываешь, когда маленький брат хватается за угол скатерти и всё стягивает со стола на пол — тогда пёстро.

Люди говорят: пёстрая жизнь. Это значит, что были в жизни белые дни и чёрные дни, жёлтые дни зависти, синие дни надежд.

Попросите бабушку, и она вам расскажет про Пёстрых. Она часто говорит:

— Рябит в глазах, пестрит в глазах!

Она хорошо знает Пёстрых. У неё длинный и пёстрый век.

Что Луна пёстрая — это вы, наверно, давно заметили. А кто не заметил, пусть приглядится получше в круглые ночи полнолуния. На Луне ещё раньше космонавтов Пёстрый побывал.

Учёные говорят, что и Солнце пёстрое, на нём есть пятна. Каков Пёстрый, даже на Солнце пробрался!

Да кто он вообще такой? Почему он около этой собаки остановился, эту тетрадку испестрил, эту корову назвал Пеструшкой? Почему у одного мальчишки есть веснушки на носу, а у другого нет?

Этого я не знаю. Это надо учёных спросить. Я только сказку рассказываю, а учёные Пёстрых изучают.

Если вы не найдёте Пёстрого на берегу моря среди камней, сделайте так: положите вечером на стол открытую коробку с акварелью и поставьте стакан с водой. По сторонам расстелите белые листы бумаги. Утром, когда проснётесь, сразу увидите — все листы пёстро перепачканы. Пёстрый ночью играть приходил.

Вначале он берёт стакан воды и обливает все краски, каждый акварельный кирпичик. После начинает по ним бегать взад-вперёд, как по клавишам рояля, а с клавиш прыгает на бумагу.

Одни говорят — это он так играет, другие — тренируется.

Лучше всего Пёстрого знают художники. Он художников не боится, и они его тоже.

Когда художник пишет картину, Пёстрый сидит на палитре, насвистывает и краски смешивает. Пёстрый — помощник художников.

Недавно я печку перекладывал и хотел договориться, чтоб один Пёстрый, приятель художника Зе́мзариса, пришёл ко мне глину месить. Ничего не вышло.

Земзарис спросил Пёстрого, не желает ли он пойти к Зи́едонису глину месить. А Пёстрый говорит: пусть Зиедонис сам месит или позовёт Серого. Пёстрый не станет все краски смешивать в один цвет. А вот что-нибудь серое красиво разукрасить — пожалуйста.

Ну, хватит. Нельзя такие пёстрые сказки так длинно писать — в глазах начинает рябить. Когда вы эту сказку будете читать, время от времени поглядывайте в зеркало: как там глаза, не стали ли рябыми? А если они рябые или пёстрые — отдохнуть надо.

УЖАСНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЫЛЁНКА

Ночью подул такой сильный ветер, что Пылинке показалось — её сдует прочь. Она привязала одну ногу к консервной банке и постаралась заснуть.

Банка консервная нехорошо выла на ветру, и Пылинке стало совсем страшно. Съёжившись, раздумывала она, где спрятаться, как пережить эту жуткую ночь.

Главное — в воду не попасть.

«Только сухая пыль свободна!» — так записала Пылинка в своём дневнике.

Конечно, некоторые легкомысленные пылята думают, что дождевая капля — пустяк. Ну, упала тебе на голову — ерунда, обсохнешь.

Но вот вчера вернулся наконец домой один Пылёнок. Он пропадал два года. И вернулся — старый, помятый, седой.

— Я поседел от страха и несвободы,— сказал он,— только сухая пыль свободна! Помните об этом, пылята!

И Пылёнок рассказал про ужасные свои злоключения.

Всё началось с дождевой капли.

Капля дождевая схватила его и оглушительно шваркнула об асфальт. Она втащила его в ручей и долго вертела-крутила, несла бог знает куда.

Пылёнок прицепился к Палочке-От-Мороженого. Её тоже вертело и крутило, но помедленней. Вместе с Палочкой попали они в какие-то трубы — чёрные, страшные, всасывающие. Тут прятались такие запахи, что Пылёнок задохнулся и в себя пришёл только в большой реке.

На Палочке-От-Мороженого плыл он мимо белых пароходов. Пылёнок звал кого-нибудь на помощь, но никто его не услыхал. Бухали на пароходах якоря, громыхали лебёдки, и волны бахали — бах! бах!

Кричали чайки. Иногда они бросались в воду, хватали что-то и снова взмывали вверх.

Пылёнок ёжился и дрожал от страха. Он думал, что чайки глотают пыль.

— Успокойся,— сказала Палочка-От-Мороженого,— пыль чайкам ни к чему. Они рыбу ловят.

Потом Пылёнок и Палочка проплыли мимо высокого мигающего маяка. Здесь волны стали огромными, солёными. На берегу стоял указатель, а Палочка умела читать. Вот что там было написано:

Море

Ничего нового, ничего особенного в море не оказалось — только солёная пена, да волны, да грохот прибоя о камни на берегу.

Стемнело, и Пылёнку захотелось спать. Чтоб не смыло его волной, он забрался под занозу, и так, на Палочке-От-Мороженого, он провёл три месяца. А на четвёртый месяц ему ужасно захотелось есть.

Пылёнок выбрался из-под занозы и увидел, что неподалёку плавает что-то оранжевое. Это была апельсиновая корка.

Как ни старались Пылёнок и Палочка подобраться к апельсиновой корке — никак не могли. Палочка была лодка, Пылёнок матрос, но не было у них ни вёсел, ни руля.

— Жалко, что нету у меня хвоста,— сокрушался Пылёнок,— хвостом можно бы и порулить...

Только когда ветер стих и успокоилось море, Пылёнок стал подгребать одной рукой, и через месяц они добрались до апельсиновой корки.

Вместе с Палочкой стали они эту корку жевать и жевали ещё месяц.

Тем временем наступила зима, пошёл снег, и Пылёнок сразу простудился. Напал на него чих. Он чихал, чихал и чихал.

— Чихай, чихай,— говорила Палочка-От-Мороженого.— Ты чихаешь — я дёргаюсь и двигаюсь вперёд. Так, глядишь, и до берега дочихаемся.

И Пылёнок чихал, и на десятый день берег был совсем уже близко. Но к этому времени Пылёнок совершенно вычихался.

— Ну давай же, чихай,— подгоняла Палочка.

— Не могу,— жаловался Пылёнок,— чихай сама, а я под занозу полезу.

Но Палочка чихать не умела, она ведь никогда не простужалась.

— Вылезай, друг, из-под занозы,— уговаривала она,— чихай к берегу!

— Пожалей меня...— плакал Пылёнок.— Я скоро умру.

— Потерпи немного. Мне кажется, что скоро будет Большое Мороженое! А уж я-то знаю, как с мороженым обращаться.

И правда — Большое Мороженое приближалось. Густела вода, в ней появлялись ледяные звёзды, и скоро Пылёнок с Палочкой оказались в какой-то каше из снега и льда.

Пылёнок выбрался из-под занозы. От дикого холода стал он подпрыгивать то на одной ноге, то на другой — и прекрасно! Под утро Палочка вмёрзла в лёд, а Пылёнок поскакал босиком по ледяному крошеву прочь, к берегу, прочь, прочь. Он старался подпрыгивать повыше, чтобы ветер подхватил его, но это никак не получалось. Одна нога Пылёнка совершенно обледенела и стала такой тяжёлой, что слабый ветер не мог поднять его в воздух.

Велик был лёд и далёк берег, а Пылёнок был всё-таки очень уж мал. Целый день прыгал он к берегу на одной ноге.

Повалил мокрый снег. Огромные плюхи падали с неба.

Пылёнок увёртывался от них, и всё-таки одна плюха прихлопнула его, прилепила ко льду.

Совсем недалеко от берега вмёрз Пылёнок в лёд. Он понял, что это — конец. С неба то лил дождь, то сыпал снег. Над головой росла ледяная шапка, и скоро Пылёнок оказался посреди льдины,

и ничего не было вокруг — только стеклянный, голубой и зелёный свет.

Жизнь прошла, всё пропало, и не осталось никакой надежды. Пылёнок никогда не слыхал о весне, которая приходит в конце концов.

Но вот наверху задвигались какие-то тени. Совсем рядом раздался скрежет — длинная зубастая пила пилила лёд. Огромный кусок льда выпилила пила, и кусок этот вытянули наверх. Теперь Пылёнок почти что освободился. Только корочка льда, тонкая, как стёклышко, отделяла его от свободы.

Чёрные здоровые мужики пилили лёд на куски и укладывали в машину. Один мужик подошёл к Пылёнку поближе, размахнулся и так грохнул топором, что лёд вокруг задрожал и рассыпался. Бедолага Пылёнок схватился за голову, и его тут же загребли лопатой и вместе с ледяным крошевом забросили в машину.

Из машины лёд сбросили в тёмный погреб, а сверху обсыпали опилками. Тут, в полной темноте, Пылёнок провёл зиму и лето и ещё зиму. В конце концов опилки не выдержали. Они стали говорить, что дальше так жить невозможно, надо бежать.

Иногда приезжала машина, лёд выгребали из погреба, и опилки бежали на свободу. Пылёнок рвался на волю, но ему не везло. Льдинка, в которой он сидел, всякий раз соскальзывала с лопаты и оставалась в погребе.

Многим в жизни не везёт, и не везёт долго, но уж потом-то в конце концов повезёт. Наконец повезло и Пылёнку. Льдышку его забросили в машину, и она оказалась наверху.

Машина тронулась, и, пока она ехала, лёд на солнце слегка подтаял, и Пылёнок вдруг почувствовал, что он снова свободен. Мокрый и замёрзший, вскарабкался он на борт машины, и — раз, два! — сухой ветер подхватил его, и — раз, два! — он вылетел на свободу. На солнце, на ветер, в тепло.

Весь мир теперь был открыт перед ним. Куда его занесёт? Что будет?

Мелкая зелёная и жёлтая пыль кружилась в воздухе рядом с ним. Это была цветочная пыльца. А вокруг жужжали пчёлы.

Пылёнок хотел было пристроиться к пчеле, но та взмахнула крылом:

— Поди прочь, братец! Ты просто — пыль, а мне нужна пыльца.

Опечалился Пылёнок.

ТУ

«Все гонят братьев моих,— думал он.— Терзают, подметают, стряхивают прочь. Сядешь на тротуар — а тебя водой из шланга, устроишься в уютной квартирке — а тебя пылесос плоскоротый всасывает с воем. И держишься из последних сил, ухватившись за какую-нибудь колючку кактуса. Моют и трут, вытирают, высыпают в помойное ведро. Кто виноват? Неужели пыль виновата? Ведь всякая пылинка мечтает об одном: скорей вернуться к тому большому куску, от которого откололась, отколупнулась. Вернуться к камню или к колесу, к глиняной глыбе, к деревянной колоде».

Между прочим, я с этим Пылёнком познакомился нечаянно. Сдунул как-то с книжки пыль и — чихнул. Вдруг какой-то Пылёнок и говорит:

— Будь здоров, Имант Яныч!

Другие пылята стоят эдак друг за другом, мрачные, серые. А этот такой милый, дружелюбный. Будь здоров, говорит.

— Спасибо,— отвечаю.— Как жизнь?

— Неважно.— И Пылёнок рассказал мне свою горестную повесть.— И зачем я только живу на белом свете?..— сокрушался он.— Где мать моя родная? Где папа?

И тут я понял, что пылята, в общем-то, вполне приличные люди, только потеряли они смысл, не знают, что делать.

А дел, друзья, на свете много. И я научил своего Пылёнка кое-каким делам. Ну, во-первых, он у меня — разведчик. И немножко сыщик. Разыскивает потерявшиеся иголки, копейки, пуговицы. Иногда вместе с другими пылятами выкатывает из-под кровати теннисный мяч.

Если мне в глаз попала соринка — зову Пылёнка. И он выталкивает её из глаза. До тех пор толкает, пока глаз мой не станет ясен и чист.

А часы? Я часы в мастерскую никогда не ношу. Встали часы — зову Пылёнка.

— Что-то,— говорю,— брат, часы встали.

Пылёнок мигом ныряет под крышку и, глядишь, через две минуты вылезает наружу и ведёт за руку десятка два своих братьев и сестёр. Как он там с ними справляется — я не знаю: может, убеждает, может, угрожает, а может, уговаривает. Надо бы, конечно, научиться пылиному языку. Интересно было бы потолковать о том о сём с разной учёной пылью.

Но об этой учёной пыли — будет другая сказка.

СУНС ФУНС

Уже и ленты жаловались, шарфы, и помпоны на шапке: дескать, Ветер им житья не даёт, поймать норовит.

Но больше всех сердилась Причёска. Она говорила, что у Ветра нет ни стыда ни совести, ему безразлично, что нынче в моде. Короче, Причёска пошла в магазин, купила полкило колбасы и колбасу эту отдала псу, которого звали Фунс. А по-латышски «пёс» будет — «сунс». Вот и получился у нас — Сунс Фунс. Причёска отдала ему колбасу, чтоб он Ветер поймал и желательно — растерзал.

За колбасу Сунс Фунс был готов на всё. Не то что Ветер, он мог Тайфун взять за горло.

Кроме того, у Сунса были с Ветром старые счёты. Когда Фунс был ещё щенком, Ветер дразнил его и щекотал.

Сунсу Фунсу было тогда очень щекотно. Он смеялся и смеялся и пересмеялся в конце концов, весь смех высмеял, осталась у него на сердце одна только злоба.

Вот и сейчас Ветер дразнил его. Сунс Фунс ел колбасу, а Ветер выхватывал из-под носа колбасный дух. Колбасу-то Фунс лапой придерживал, а запах удержать никак не мог. А кому нужна колбаса без запаха?

УУУУУ! уууууу! Виииии! — загудела вдруг пустая бутылка. Это в бутылке выл Ветер.

Сунс кинулся на бутылку, схватил её за горлышко и кинул в пруд.

Бурлюр-мурлюр! — булькнула бутылка, захлебнулась и утонула.

И тут же десяток ветропузырьков, ветерков-пузырьков, эдаких бурлюрмурлюрчиков, взлетели в воздух и уселись на верёвку. А на верёвке висела простыня. Бурлюрмурлюрчики попрыгали, повертелись, покрутились и вдруг свились в один вихреветерок, захлопали простынёй.

Сунс Фунс схватил простыню за хвост, втащил в дом и принялся терзать. А бурлюрмурлюрчики шмыгнули в открытую дверцу печки, вместе с огнём фыркнули в трубу.

Сунс Фунс выскочил в сад.

А ветер на крыше баловался с дымом, скручивал дымовые кольца, бросал их в небо.

Труба радовалась. Она пела и выла, обнявшись с Ветром. Увидевши Сунса Фунса, Труба и Ветер засмеялись и слепили из дыма огромного Чёрного Слона.

Вот огромный Чёрный Слон!
Сунса Фунса слопал он,—

запели они, и Чёрный Слон вдруг ринулся вниз, размахивая дымным хоботом.

Сунс еле успел отскочить в сторону, и Слонище промчался мимо, влетел в одуванчики и рассыпался — растаял в небе. А из одуванчиков вслед за Слоном поднялось в небо облако пуха.

А Ветер тем временем выкатил из трубы новые чёрные мешки дыма. Мешки эти покатились по крыше и вдруг превратились в стадо диких кабанов. Сунс отпрыгнул — кабаны ввалились в одуванчики, и новое облако пуха поднялось над землёй.

— Однако! — воскликнул Сунс Фунс.— Дымных свиней тут ещё не хватало!

Чтобы успокоиться, он понюхал одуванчик — и тут же пушистая шапка-головка рассыпалась, разлетелась в стороны.

— Однако! — воскликнул Сунс.

Он снова фыркнул, и новая пухголова разлетелась перед его носом.

— Да у них ветер внутри! — закричал Сунс Фунс, схватился лапами за нос и вдруг ясно почувствовал, как Ветер бегает по его собственному носу: туда-сюда, туда-сюда.

— Сунсы добрые! — закричал Сунс.— То есть люди добрые! У меня Ветер в носу.

И он побежал в свою конуру.

Он бежал, бежал, бежал, и чем быстрее он бежал, тем сильней свистел у него в носу ветер: фии-фаа! фии-фаа!

Сунс сунул нос в миску с водой, и миска забурлила: бурлюр-мурлюр!

Сунс Фунс ещё и нос из миски не вынул, а увидел вдруг одним глазом, как Ветер теребит хвост коня.

Волей-неволей пришлось Фунсу задуматься. Он стал чесать лапой за ухом.

«Надо подумать,— думал он,— надо подумать».

Так он чесал за ухом и думал, но придумал только то, что само придумалось.

— Слушай,— сказал Сунс Коню.— Зачем ты разрешаешь Ветру дуть себе в хвост?

— Пускай дует, куда хочет. И в хвост и в гриву.

— Знаешь что,— сказал Фунс,— сунь на минутку хвост в озеро. Ветер выскочит, и тут я его схвачу.

Задом наперёд Конь подошёл к озеру, а сунуть хвост в воду не смог — Ветер играл хвостом, трепал его, теребил.

— Ладно,— сказал Сунс,— теперь всё понятно. Ветер сидит у тебя в хвосте. Сейчас я его оттуда выгрызу. Ты только не лягайся.

Сунс подпрыгнул и вцепился в хвост Коню.

— Ну как дела? — спросил добродушный Конь.— Поймал, что ли?

— Не знаю. Надо подумать.

Так Сунс Фунс висел на хвосте и думал, но придумал только, что надо крепко, очень крепко задуматься.

Тут Конь взмахнул хвостом, отмахиваясь от слепня, и Сунс упал на землю.

— Ищи ветра в поле,— сказал Конь и умчался, а Сунс Фунс побежал в поле.

Это было ржаное поле. А над полем, над колосьями ржи, гулял, конечно, Ветер — Ржаной ветер.

Посреди поля лежал большой камень. Сунс Фунс взобрался на камень и увидел, как по полю катятся ржаные волны. Ветер играл колосьями ржи — и качалось поле, плескалось и перекатывалось, как море, как прибой.

Два часа бегал Сунс Фунс по полю, охотился на Ржаной ветер и к вечеру совсем, бедняга, выбился из сил. Вывалив язык, побрёл он домой.

А навстречу — Янцис. Печальный, тихий.

— Что с тобой? — спросил Сунс.

— Влетело мне,— сказал Янцис и махнул рукой.

— Влетело? — удивился Фунс.— Это Ветер в тебя влетел?

— Какой там ветер! Мать мне дома целую бурю устроила!

— Бурю? Но буря — это сильный ветер. Значит, Ветер в тебя и влетел.

— Тьфу! — плюнул Янцис.— Чего ты пристал? Я тебе говорю: мне здорово влетело. Мать бурю устроила! Понял?

Сунс Фунс уселся на землю и стал чесать лапой за ухом.

«Буря и Ветер,— думал он.— Кабаны и Слоны. Одно влетает — другое вылетает. Что же делать? Как жить дальше?»

— Слушай, Янцис,— сказал Фунс.— Объясни мне, пожалуйста, где эта буря, которая в тебя влетела? Где она?

— В груди, друг,— сказал Янцис.— В душе.

— А выдохнуть её никак нельзя?

— И то верно, друг,— сказал Янцис.— Надо выдохнуть.— И он достал из кармана такую дуделку-сопелку.

Янцис дунул в дуделку — послышался первый тоскливый звук,— и дрогнуло сердце Сунса Фунса, подпрыгнуло куда-то вверх, а обратно не вернулось.

Янцис играл, и Сунс Фунс чувствовал, как проходит его злоба, а остаётся только тоска по ушедшему дню, по Ветру, который так красиво, как настоящий пёс, завывал в трубе, и главное — печаль по колбасе, которую он давно съел.

Сунс Фунс поднял голову и стал тихонько подвывать Янцису и его дуделке-сопелке.

Нынче и прежде, во все времена, воют собаки, когда трубит труба, играет могучий орган или простая гребёнка поёт сквозь папиросную бумагу о путях-дорогах Ветра в большом мире.

СКАЗКА О НАМОРДНИКЕ И НАПЁРСТКЕ

Встретились как-то раз Намордник с Напёрстком.

— Пойми, друг,— сказал Намордник,— очень хочется на чью-нибудь морду намордиться, но не видать ничего подходящего.

Надо сказать, что Намордник этот раньше носила собака, но сбросила его, потому что решила больше никогда в жизни не кусаться. И вот теперь Намордник гулял по городам и сёлам и, как уже говорилось, встретился с Напёрстком.

А Напёрсток с работы сбежал.

— Хватит! — говорил он.— Надоело! Невозможно всю жизнь толкать иголку. Лучше уж быть колокольчиком.

— Колокольчиком? — удивился Намордник.— Да ведь у тебя язычка нет.

— Язык можно достать.

Так они и бродили. Намордник морду искал. Напёрсток — язык.

Встретился им — Мусс. Ну, сладкий такой, вкусный, важный и надутый господин. А по-латышски, между прочим, Мусс так и называют — Надутень.

— Эй ты, Мусс-Надутень,— сказал Намордник,— говори прямо: у тебя морда есть?

— Что вы?! — напугался Мусс.— Морда? Откуда?

— Только не прикидывайся,— угрожающе сказал Намордник.— Кусаться небось умеешь?

— Не-ет,— ответил Мусс.

— И никогда никого не кусал? Только не врать!

— Нет, никогда никого! Если только меня перекислят, ревеня в меня переложат — чуть язычок покусываю.

— Ага, покусываешь. А сам врал, изворачивался. А ну подавай сюда свою морду!

И Намордник бросился вперёд. Но Мусс легко проскользнул через кожаные ремешки. У него ведь и вправду не было никакой морды. Так, какая-то расплывчатая физиономия.

Намордник хотел кинуться ещё разок, но тут объявилась Миска.

— Что вы делаете! — закричала она.— Как вам не стыдно! Ведь это самый нежный, самый сладкий, самый вздутый Надутень. Только взбитые сливки могут сравниться с ним. Иди сюда, милый. Иди ко мне, родной.

И Миска всосала в себя Мусс да ещё крышкой прикрыла.

— А если вам язык нужен,— сказала она, успокоившись,— вон корова на лугу, у неё спросите.

Корова щипала клевер. Это был второй клевер нынешнего лета. Первый клевер уже скосили, и вырос второй. Вот корова и щипала второй клевер, помахивая при этом языком.

— Добрый день,— сказал Напёрсток.— Извините, у вас есть язык?

— Да, у меня есть язык,— вздохнула Корова.— Добрый день.

— А не могли бы вы отдать мне свой язык?

— Не могу,— вздохнула Корова.— Мне тоже кушать надо.

— Слушай, бурёнка,— сказал Намордник.— Может, у тебя дома есть какой-нибудь запасной язык? Может, в сарае валяется? А? Поискала бы.

— Домой идти неохота,— вздохнула Корова, не переставая жевать.

— Сходите поищите,— просил Напёрсток.

— Ну, предположим, я пойду домой,— раздумывала Корова.— А кто вместо меня будет траву жевать?

— Я и пожую,— убеждал Напёрсток.

— Так у вас языка нет.

— Тогда Намордник пожуёт.

— Ну уж нет,— сказал Намордник.— Я без морды жевать отказываюсь.

— Тогда я никуда не пойду,— сказала Корова.— Если я не буду жевать клевер — не дам молока. Все кружки, чашки и кувшины останутся пустыми, а это — опасно.

— Пускай тогда ведро жуёт траву,— сказал Напёрсток.— Вон ведро пустое валяется, пускай пожуёт немного.

Ведро, которое болталось неподалёку, было действительно пустым. Как ни странно, оно согласилось жевать клевер, и Корова пошла искать язык.

Скоро она вернулась и принесла, к удивлению, здоровенный язык.

— Нашла,— сказала она.— Это мой запасной язык, тимофеевочный. Я этим языком тимофеевку загребаю, травку такую. Во рту-то у меня сейчас — клеверный. А дома, в запасе, репейный остался.

— О боже! — сказал Напёрсток, увидев тимофеевочный язык.— Вот ужас-то! Куда мне такой язычище! Уж больно здоровый! Он в меня не влезет.

— Ах ты,— разозлилась Корова.— Ты что, ослеп, что ли? Ты что, не видел, какая я большая! Ты что, думал, что у меня язык как у туфельки? Куда мне теперь девать запасной язык? Домой нести?

И Корова в сердцах ухватила траву, которая набралась в ведро, сразу двумя языками. А Напёрсток с Намордником дальше побежали.

— Слыхал, что она сказала? — кричал Напёрсток.— У туфельки есть язык. Может, мне подойдёт?

— У туфельки и мордочка есть, узенькая такая.

Туфелька спешила на бал. Щётка только-только кончила наводить на неё блеск.

— Ах, какой у вас чудесный язычок! — говорила Щётка.— Чистенький, блестящий. Такой язычок и чистить не надо.

В этот момент и подкатился Напёрсток. Щётка взмахнула ещё разок — и Напёрсток брякнулся в обморок. Он ведь гуталина сроду не нюхал.

— Ты, парень, что-то перепутал,— сказала Щётка, когда Напёрсток немного пришёл в себя.— Тебе нужен цветок — туфелька. Он, конечно, пахнет не так красиво, как гуталин, но, в конце концов, это моё личное щёткомнение.

И Напёрсток побежал в сад. А в саду, как раз под окном, росли туфельки — маленькие, сине-фиолетовые, покачивались они на зелёном стебле.

— Добрый день, туфельки,— сказал Напёрсток.— Имеются ли у вас язычки?

— Ты что, сам, что ли, не видишь?

— И они звонят?

— Да ты что, оглох, что ли?

Напёрсток прислушался и... ничего не услышал.

— Девочки, он — глухой! — сказала туфелька на самой верхушке.

— Он слепой,— сказала та, что пониже.

— Он бессердечный,— фыркнула третья.

— Он железный! Железный!

— Противный!

— Иди на колокольню, железяка! С Колоколом поговори!

И Напёрсток взлетел на колокольню.

Но у Колокола — дамм! дамм! — не было времени — дамм! дамм! дамм! — попусту болтать. Дамм! Ему надо было — дамм! — звонить! Дамм! Дамм!

— Ты кто такой?!! Дамм! Дамм! — взревел Колокол.— Откуда? Дамм! Бумм! Дымм! Должен пальцы охранять! Как Дамм! Как Бумм! А ты болтаешься! Дамм! Бумм! Дымм! А мне и на праздник надо звонить! Дамм! И на пожар! Дамм! И часы отбивать! Дамм! Иди обратно! Дамм! Трудись! Бумм! Вон бедная Марута палец без тебя уколола! Ты кто такой?! Откуда? Бумм!

Вы, конечно, хотите знать, куда девался Намордник. А я и сам не знаю. Но он где-то рядом. Подкарауливает. Так что, если у вас есть эта... как её... в общем, стоит иной раз глянуть в зеркало.

КОРИЧНЕВАЯ СКАЗКА

Я его видел.

Он прыгнул на сковородку, забегал по жареной картошке, закричал:

— Коричнево! Коричнево! Готово!

Я сыпанул в сковородку перцу — он чихнул и пропал.

Кое-кто, кроме меня, его тоже видел. Он всегда появляется там, где что-то жарят. Появится и кричит:

— Коричнево! Коричнево! Готово!

Чтобы увидеть его, нужно большое терпение. А где его можно встретить?

Там, где коричнево.

А где коричнево?

Там, где грибы боровики.

Я точно знаю, что из земли боровик вылезает белым, а потом шляпка у него вдруг делается коричневой.

Рано утром я пошел в лес, сел под коричневой сосной, жду.

Скоро появится боровик. Да вот и он — вылезает. Шапочка белая. Теперь нельзя опускать глаза. Сейчас придёт коричневый человечек. Сижу — жду. Никого нет. Зато вдруг кто-то чихнул. Оглянулся — заяц! Чихает! Простудился, что ли?

Посмотрел на гриб, а он уж коричневый. Тьфу, проморгал человечка!

Ладно, погляжу на другой боровик. Теперь уж не промахнусь.

Гляжу, гляжу, гляжу, смотрю, смотрю, смотрю, приглядываюсь, пялюсь, глаза таращу.

Вдруг в стороне муравей запищал, коричневую ногу вывихнул, хромает — жалко. Вправил ему кое-как ногу — а боровик-то уж совсем коричневый. Опять человечка проморгал.

Ладно. Сделаю так. Залезу в дырку, которую в грибе червяк прогрыз, спрячусь и буду ждать!

Задумал — сделал. Залез, жду. Вот он, ха-ха-ха. Идёт. Залезает на гриб! Только залез — я выскакиваю, а он — гоп! — прыгнул в бруснику и:

— Коричнево! Коричнево! Готово!

Однажды я искал его в орешнике, как раз когда орехи коричневели. Пока ищу в одной грозди — он в другой. Только и слышно:

— Коричнево! Коричнево! Готово!

Уселся я у одного куста. Здесь буду ждать. Покрасит все орехи — придётся и сюда прийти. Жду час, два, три. Жду день, жду два.

Вдруг прилетела коричневая пчела, запуталась в волосах. Так жужжит, что лес дрожит. Но я-то знаю, что это нарочно, чтоб я испугался, чтоб не видел, как приходит коричневый человечек. Пускай жужжит и жалит, а я смотрю на гроздь орехов — и точка!

Дзинннн! Прилетела коричневая мушка — джинннн! — влетела в глаз!

Пока слезу вытирал, гроздь уж коричневая, готова!

Понял я наконец, что Коричневый не хочет, чтоб его выслеживали, и перестал ему надоедать.

Но вдруг прошлым летом лежу у моря, на пляже полно людей, и вижу, у Яниса на спине сидят целых семь штук! Семь коричневых человечков красят Яниса.

— Янис! Янис! — закричал я.— Смотри-ка, что у тебя на спине! Семь коричневых человечков!

— Ладно врать-то,— засмеялся Янис.— Это ты мне песок на

спину сыплешь, щекочешься. Таких человечков на свете нет!

— Да как же нет, если я сам вижу!

Жалко, что никто не знает, где живут коричневые человечки. Одни говорят — в медвежьей шкуре, другие говорят — в желудях, третьи — под сосновой корой.

И никто не знает, как их зовут. И я не знаю.
Коричневики?
Коричневисты?
Коричневяки?
Вы-то не знаете? Не слыхали?

КРОКО И ДИЛ

Когда я его купил, он был ещё совсем маленьким. Его можно было засунуть в чулок и положить в ящик шкафа. Маленький такой крокодильчик.

Он родился и вырос у нас в Латвии. Его вырастили, как кактус. Ну, знаете — сажают отросток кактуса в цветочный горшок, он начинает ветвиться, и получается большой кактус. Точно так и с крокодилами. Сажают крокодилью лапу в горшок — и вырастает маленький крокодильчик.

На ночь мы его прятали в шкаф. Иначе в доме никто не мог заснуть: крокодильчик бегал всю ночь по дому, шуршал, царапался и гремел, волоча свой хвост по полу.

На кого он охотился по ночам? Ведь у нас в доме ни крыс, ни мышей. Моль, конечно, есть, и мотыльки залетают.

Крокодильчик ловил моль. Подпрыгивал и с грохотом падал на пол. А если моль пряталась в тапочки, он заглатывал эти тапочки вместе с молью. Один раз съел берет со значком города Риги.

Много он принес нам хлопот, зато уж моли в доме не было.

А вот до потолка допрыгнуть он никак не мог — высоковато.

По вечерам он сидел на полу и смотрел на лампочку, вокруг которой кружилась влетевшая через окно мошкара. Так жадно смотрел, что у него слюнки текли. Потом-то уж он признался, что ему сама лампочка была по душе.

И вот он начал тренироваться. Честное слово, я не видел ни одного крокодила, у которого была бы такая сила воли, как у нашего. С каждым днём он прыгал всё выше. Вначале перепрыгивал стул, потом стол, приземляться он старался на диван, а потом привык и прямо брякался на пол. Гром был страшный, как будто кто-то бросал охапку дров.

Как-то осенним вечером я заклеивал велосипедную шину, которую он прогрыз, вдруг слышу — прыжок! Хоп — сразу темнота! Проглотил-таки лампочку, висящую под потолком. А лампочка-то на проводе. Вбегаю в комнату и вижу — висит под потолком эдакая люстра в форме крокодила, а в животе лампочка светится!

— Эй! — закричал я.— А ну отпусти! Выплюнь! Выплюнь!

Кричу так, а сам точно знаю: ни за что не выплюнет. Крокодилы вообще очень упрямы.

В этот вечер пришёл к нам в гости Ка́рленс.

— Какая у вас красивая люстра,— говорит,— в форме крокодила. Оригинально. Какой приятный зелёный свет.

— Разумеется, зелёный,— отвечаю,— если б крокодилы были лиловые, получился бы приятный лиловый полумрак.

Вдруг сверху крокодил говорит крокодильим голосом:

— Выверни пробки. У меня живот перегрелся.

— Интересно получается,— говорю,— ты лампочки глотаешь, а я должен пробки выкручивать. Выплюнь лампочку.

— Ни за что.— И висит под потолком, постанывает.

— Отпусти лампочку, я тебе карманный фонарик подарю.

Не отпускает. Лампочку он, видите ли, сам поймал, его добыча. «Как бы живот у него не прогорел,— думаю.— Прожжётся в животе дырка — что тогда делать? А ведь он в сущности не такой уж плохой крокодил. Бывало, на рыбалке всегда отцепит

от коряги блесну, а то и всю корягу притащит, на которой полно зацепившихся блёсен. И вообще-то он добросердечный крокодил, мягкий».

Я вывинтил пробки, взял клещи и перекусил провод. Ну, а лампочка осталась у него в животе.

Карленс как увидел тогда крокодила с лампочкой — просто остолбенел.

— Не может быть,— говорит,— чтоб это — живой крокодил! Как-то не верится.

— Не веришь — потрогай,— сказал я,— положи ему руку в пасть.

Боится. И зря боится. Зубы крокодильчику я давно обточил, как раз после того, как он перегрыз трубу центрального отопления. Мы-то в театре были, когда он грыз. Потоп ужасный! Вода хлещет, а он доволен. Хорошо ещё — мы вовремя вернулись.

Карленсу очень понравился наш крокодил. Он стал приходить в гости чуть не каждый день. То морковку крокодилу принесёт, то свеколку, малинового джема банку притащил.

Смотрю я — теряет крокодил свой красивый зелёный цвет. Я-то его огурцами кормил, зелёным горошком, а уж если резинки стиральные, ну, эти, ластики,— только зелёные. А тут — красное. И я запретил Карленсу кормить моего крокодила.

Тогда Карленс взял и сам купил себе крокодила. И Дилом назвал. А моего, я забыл сказать, звали Кроко.

Вот тут и начались настоящие ужасные дела!

Летом, только мы приехали на дачу, крокодилы сразу нам устроили нильские грязи. Всю воду из бочки вылили в клумбу и начали месить животами землю. Подпрыгнут — и животом об землю: хопад! хопад! хопад! ра-па-па! Расшлёпали землю, как блинное тесто.

Пришли мы домой, а из грязи — четыре страшные глаза торчат!

А на другой день забрались они в сарай и решили поиграть. Надо сказать, что на ум крокодилам всегда приходят глотательные игры.

Кроко говорит:

— Будем бросать друг другу вещички. Кто поймает и проглотит на лету — тот победитель, а кто не поймает — тому водить. Кидай ты первый — я ловить буду.

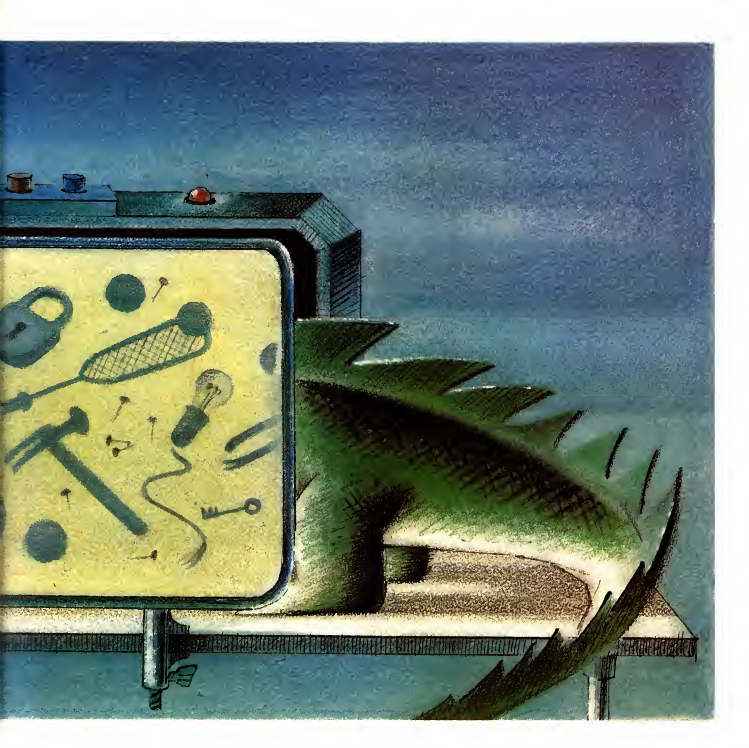
Дил схватил с полки гвозди (в жестяной банке) и бросил.

А Кроко недаром на лампочке тренировался — разинул пасть и все гвозди проглотил. Потом плоскогубцы и молоток.

Дил тогда бросил висячий замок, амбарный, ржавый такой. Кроко пасть разинул, но замок мимо просвистел. Крокодилы поменялись местами.

Дил сразу проглотил складной метр (в сложенном состоя-

нии), садовые ножницы, четыре теннисных мяча и ракетку для бадминтона. А Кроко потом проглотил гантелю.

Вечером Кроко говорит:

— У меня тяжёлый живот.

— А что у тебя в животе?

— Гантеля.

Я как-то сразу не поверил и подумал, что Кроко просто не знает иностранных слов и называет гантелей какую-нибудь болезнь.

— Ты знаешь, что такое гантеля?

— Это очень тяжёлая штука.

— И где сейчас эта штука?

— Тута,— сказал Кроко и похлопал себя по животу.

Я быстренько завел машину, кинул Крокодила в багажник, и мы помчались на рентген.

Врач сделал рентген и говорит:

— Хаос!

— Чего-чего? — не понял я.

— Хаос! — повторил врач.— У него в животе — хаос!

— Не может быть,— сказал Кроко,— там — гантеля!

— Помолчи,— сказал я.

— Хаос! — крикнул врач.

— Какой хаос! Это гантеля с шарами на конце.

— Молчи, крокодил! — зарычал врач.— В металлолом! На переплавку его!

Нервный такой врач оказался.

— Не надо его в металлолом, доктор,— попросил я.— Сделайте ему клизму.

— Какая клизма?! В операционную!

И беднягу Кроко потащили в операционную. И конечно, во время операции обнаружились ещё кое-какие крокоде́лишки. То есть карбюратор от мотоцикла «Ява».

После всех этих горестных дел решили мы с Карленсом, что больше нельзя так мучить крокодилов. Каждая, как говорится, животинка должна жить там, где её воздух, её вода. А у нас воздух малокрокодилий и вода в реках слабокрокодилья.

И вот однажды подвели мы Кроко и Дила к большой карте мира. Постелили карту на пол.

— Вот он, Нил! — заорал Кроко и хотел уж хлопнуться об карту животом, но мы его удержали.

Кое-как втолковали мы крокодилам по карте, как добраться до Нила: Чёрное море, пролив Дарданеллы, а там и до Нила рукой подать.

На нос Кроко компас привязали, а у Дила на хвосте нарисовали схему всего путешествия.

Провожая их в дальний путь, я особо не плакал. Каждая, как говорится, животинка должна жить у себя дома. Пусть теперь

светит им белое нильское солнце, пусть греют их чёрные нильские грязи.

Часто вспоминаю я Кроко и Дила. Как только услышу слово, которое начинается на «кро» — крокус, кросс, кровать, кролик, крошка, нападает на меня тоска, слёзы подступают к горлу. Какие хорошие, какие добрые, мягкие были крокодилы! Всю моль выловили, все блёсны отцепили. А как дрова пилили хвостом, а как банки консервные зубом открывали!

Конечно, они крокодилили, криказничали, но были вполне крокомилые.

На этом крокосказке — крококонец.

ДЛЯ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Имант Янович Зиедонис

СКАЗКИ

ИБ № 8989

Ответствеиный редантор
Л. Я. ЛИБЕТ

Художественные реданторы
Б. А. ДЕХТЕРЁВ и В. П. ПАНОВ

Техничесний редантор
С. Г. МАРКОВИЧ

Корренторы
Е. В. КУЛИКОВА и Э. Н. СИЗОВА

Сдано в набор 28.07.86.
Подписано к печати 29.12.86
Формат $60\times90^{1}/_{8}$. Бум высонохуд. ГДР
Шрифт обыкновенный.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,0.
Усл. кр.-отт. 44,0. Уч.-изд. л. 7.22.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 4013. Цеиа 2 р. 20 ноп.

Орденов Трудового Красного Знамени
и Дружбы народов издательство
«Детсная литература»
Государственного номитета РСФСР
по делам издательств, полнграфин
и нннжной торговли.
103720, Моснва, Центр,
М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Зиамени
фабрика «Детсная книга» № 1
Росглавполяграфпрома
Государствеиного номнтета РСФСР
по делам издатвльств, полиграфии
и нннжной торговлн.
127018, Моснва, Сущевснй вал, 49.

СОДЕРЖАНИЕ

2 р. 20 к.